

ДИСЦИПЛИНА И МИКРОФИЗИКА ВЛАСТИ СКВОЗЬ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС МИШЕЛЯ ФУКО

Зависнов Петр Валерьевич

Intinion@mail.ru

Студент 2 курса факультета менеджмента отделения прикладной политологии
НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург
Эссе

Подготовлено по материалам курсовой работы
Научный руководитель – к.п.н., доцент, Балаян Александр Александрович

Abstract: The purpose of this study is to examine the concept of «microphysics of power» and discipline in the work of Michel Foucault. This research will attempt to answer the question - why the rule of the disciplinary mechanisms are so effective and what makes them so?

Что значит обладать властью? Можно ли ей обладать, как некоей вещью? Но как какой вещью, где находящейся и чем являющейся? «Королевский приказ не идет сверху вниз в качестве свойства трансцендентной власти короля, а выпрашивается находящимися внизу родственниками, соседями, коллегами, готовыми заточить в тюрьму даже самого ничтожного смутьяна и *пользующимися* монархом как имманентной «общественной службой», способной регулировать конфликты» (Фуко М., 1999). За место линейности отправления здесь можно увидеть хаотическую ацентрированную подвижность элементов, где сталкивается множество отношений, не исключены наложения и заговоры, но также и открытые противостояния (смутьян, откуда он взялся и как его объяснить). Их никто не может собрать вместе, монарх лишь средство, но в своём протекании они сами взаимо-сублимируются и расставляются по местам. Где здесь собственник, в обычном, капиталистическом понимании слова, хозяин и организатор? Власть не исходит из единого центра, являющегося её абсолютным истоком, не отождествляется с каким-либо институтом или фигурой суверена, иными словами она не репрессивна, в той однозначности её обычного определения, рисующего такую как только лишь подавление, безотносительное ко всем прочим пространствам. Власть – это взаимоотношение сил, никогда не бывающее в единственном числе, а потому проходящее одинаково как через подвластных, так и через властвующих, чистой, неформализованной функцией, постигаемой независимо от конкретных форм, в состав которых она войдет. Силы влияют одна на другую, определяясь через имеющиеся у неё способности воздействовать и испытывать воздействие. Подобные отношения не генерируются в строго очерченных пространственных локализациях, но идут отовсюду, где имеются хотя бы минимальные флуктуации (споры между соседями). Будучи внешним по отношению к актуализирующим её механизмам, такое явление хоть и обладает трансцендентными коннотациями, на деле имманентно и молекулярно. Внешнее здесь - некая абстрактная машина, соединяющая

сингулярности в общую линию конвергенции и гомогенизации посредством множества агрегирующих очагов, соответствующих определённым типам взаимоотношений. Такими локальными интегрирующими факторами являются общественные институты. «Центр власти определяется не абсолютным осуществлением в некой области, относительной адаптацией и конверсией, которые он вызывает между линией и потоком» (*Делёз Ж., Гваттари Ф. 2010, с. 387*). Всегда есть нечто, заставляющее резонировать единичности относительно абстрактного пространства аккумуляции, данного заранее. Но в описанной теоретической конструкции есть что-то недостающее, ввергающее нас своим отсутствием в калейдоскоп хаотических сочетаний, не позволяя присвоить и задействовать силовые поля. Впрочем, оно всегда уже присутствует и его обнаружение лишь дело терминологии. Представление силовых взаимоотношений, распределяющееся по страте («слою осадочной породы», образованному из слов и вещей видения и говорения) способностями воздействовать и испытывать воздействие, называется диаграмма. Она не находится в статичном состоянии, не фигурирует в качестве аксиомы, но, подобно пространственным предположениям, перманентно доказывается, оперируя всякий раз различными частями, и приходя тем самым к всё новым и новым композициям, вновь устремляющимся в мутирующее их будущее. Исходя из обозначенной неустойчивости фукианского теоретического конструкта, и продуцируемого им соотношения видения и говорения («осуществляющимся поверх зазора между ними и в условиях, которые зависят только от сил» [*Делёз Ж. Фуко, 1998, С. 101*]) мы выделим несколько типов властвования. Их виды, впрочем, не есть совокупность закрытых территорий, где переход из одной в другую сигнализирует о смене порядка; они суть непрерывное сообщение между собой поверх этих территорий. Самым важным из них (такой выбор будет объяснен позднее) является Дисциплина. Она сменила дробное изъятие, частичный захват Господства тотальностью полного охвата, проникающего максимально глубоко, отнимающего уже не какую-либо функцию тела в некоторый промежуток времени, а всё тело и всё время, иными словами кодифицирует пространство жизни, отбирая её составляющие. Пространство здесь особенно актуально, таковое приходит на смену точечности частичных ситуативных проявлений процедурой непрерывного всепоглощающего контроля, устанавливая перманентную видимость под постоянным наблюдением. Всё это отсылает не к обуславливающему положению прошлого, но к конечному оптимальному состоянию, которое необходимо достичь. Следовательно, она мечтает об всеобщем сокращении издержек собственного операционализма путём становления виртуальной, входа в ткань существования неотделимо присущей ему привычкой. Но, чем же высвеченная программа обеспечивается? Целенаправленными и поступательными упражнениями во имя совершенствования, закрепляющими и увеличивающими действенность дисциплины. Генетическая непрерывность заменяет церемонию. Опёка подбирается всё ближе, просачивается во внутрь, где метастазируется неизлечимой

нормальностью. Появляется оценка, отслеживание местоположения, отчетность, биография, картотека, а также вымеренное функционально время, четкая последовательность актов работы, каждый из которых имеет заданный идеал. Вмешательство происходит не открыто и устрашающе, а скрыто, некоей предзаданностью, обходными путями проникающей в поведенческую виртуальность и оттуда конституирующее волю, парадоксально воздействуя на поступок до его совершения. Перемещение осуществляется в запрограммированных матрицах хода, планомерным движением через все инстанции посредством экзамена, стажа и т.д. Перечисленные техники коагулируются в паноптизме. Паноптикон – здание в форме кольца, разделённое на камеры с окнами, выходящими наружу, и с башней в центре, откуда, благодаря эффекту контржурного света, можно просматривать всю периферию. Его формула - видеть, будучи не видимым - навязывает любой тип поведения любому человеческому множеству, уменьшенному, помещенному в ограниченное пространство, посредством перераспределения в пространстве, расположения и классификации. Состояние заключенных здесь обусловлено интенцией трансформировать их в нечто, чем они не являются и не имеют намерения становится (из-за отсутствия такого желания они и стали заключенными). «Если человек не станет работать, то ему нечего будет делать, кроме того как без единой души есть свой черствый хлеб и пить воду» (*Bentham, 1843. Vol. 4. P. 40*). Тюрьма такого устройства есть живейшее воплощение диаграммы того времени, доводящая власть до абсурда в её идеальной *архитектурной* форме осуществления. Эффекты управления (management) взвинчиваются до фантастических небес бога, минимализируя число своих представителей, позволяя в тоже время им вмешиваться в любой момент. Но отправление происходит в целом самопроизвольно и бесшумно, через некое *воображаемое отношение* поднадзорности, а расправы вытесняются вглубь, преобразуясь в грозную потенциальность. Здесь нет ни решеток, ни цепей, ни увесистых замков. Достаточно четких перегородок и правильно расположенных проёмов, простой экономической геометрии. Образование дисциплинарного общества – это соединение закрытых дисциплин, своего рода социального карантина и бесконечно распространенного механизма паноптизма. Их модальность не заменила другие, но пропитала собой, позволив доводить власть до мельчайших и отдалённых элементов. Организованные по такому принципу заведения множатся и теряют институциональные границы, распространяясь по всему обществу: изготовление полезного индивида сочетается с перекрёстным надзором во вне. Христианская школа не только формирует послушных детей, но и делает возможным надзор за родителями, получение информации об их образе жизни, источниках дохода, набожности и нравах. «Тюрьмы похожи на заводы, школы, казармы и больницы, которые похожи на тюрьмы» (*Фуко М., 1999, - с. 124*). Центральное положение инспектора в сочетании приспособлениями, приспособленными для того, чтобы, видеть, будучи невидимым, ставит вопрос – «кто будет сторожить сторожей?». Свобода

здесь – одностороннее отношения, которое в качестве другой своей стороны имеет гетерономию и отсутствие воли. Контроль над надзирателями гарантирован применением того же принципа, что и в обеспечении надзора за заключенными. Впрочем, полностью противоречие разрешается в совершенно иной области – создатели этой тюрьмы сдадут её в аренду некому предпринимателю, который став таким образом главным надсмотрщиком, запустит данную машину ради получения выгоды в соответствии со своими интересами. Интерес детерминирует как заботу о здоровье и силе заключенных, так и о том, чтобы они не уваливали от работы, приобретали навыки и постепенно исправлялись. Иными словами, подрядчик будет использовать Паноптикон в целях, каких он был спланирован изначально. Но, что делать с самим подрядчиком? Такой вопрос только выглядит неразрешимым и в действительности угрозы не представляет. Принцип Байарже, сложившийся между 1870-1875 годами, вводит три новых референта психиатрии: административный, рассматривающий безумие на фоне принудительного порядка; семейный, фундированный презумпцией обязательных чувств, аффектов, отношений; политический, в лице социальной стабильности и незыблемости. Психиатры отказываются от понятия частичного безумия, затрагивающего лишь некоторую часть личности, и принимают постулат о невозможности такового – если душевное расстройство возникает у индивида, значит он болен всецело. Всякая деятельность анализируется на отклонения от норм порядка, сообразности, определяющихся на обозначенных трёх столпах, а всякие обнаруженные несоразмерности распределяются по степени интенсивности их произвольности. Алиенисты ещё рассматривали безумие в его отношении к правде, ища в нём микроэлемент заблуждения; психиатры, начиная с упомянутого Байарже, теряют конкретность точки опоры, рассеивая лечение по операциональной плоскости в виде поиска губительных сочетаний сил в элементах, побуждающих к неправильному расположению внутри неё. Основополагающим актом психиатрии, её великой сценой, является знаменитое освобождение заключенных, совершённое Пинелем в Бисетре в начале XIX века – он отменил цепи, сковывающие буйных душевнобольных в их камерах, после чего эти безумцы, едва освободившись от уз, выразили ему свою признательность и тем самым вступили на путь исцеления. Но была и другая, описанная тем же Пинелем в своей работе «Медико-философский трактат»: «Один монарх (Георг III, король Англии) впадает в манию и, дабы способствовать его скорейшему выздоровлению, *руководящему им лицу* доверяют принять все меры предосторожности без каких-либо ограничений. Лечащий врач объявляет ему, что он более не является королём и должен отныне высказывать смирение и покорность. Однажды, больной, находясь в состоянии иступлённого бреда, очень жестко принимает своего врача, швыряя в него грязь и нечистоты. Один из пажей тут же, не произнося ни слова, входит в камеру и связывает безумца» (Цит. по: Фуко М. 2007, с.35). Монарх не подчинился другому монарху, его завоевавшему, он оказался покорён анонимной, безымянной власти без лица, неумолимой и безмолвной.

Властвует как бы сама реальность, получающая статус принудительной и непреодолимой ввиду естественности её законов, неизбежной и обязательной вследствие её властного силового дополнения. Лечебница – это репрезентация внешнего мира, в силу этого придающая последнему статус неизбежности, но также и презентация больного в рамках инсценировки, где опрос больного служит пособием для студентов, а врач, говоря о безумии формулирует истину о нём, *разделяемую всеми*, становясь монополистом таковой. Там куда тебя поместили ты и должен оставаться. Всякие изменения системы жизненного протекания предопределены идущими из глубины постулатами железной необходимости, обезличенными и безотносительными к каким-либо «личностным состояниям» (борьба за свободу). Дисциплинарные механизмы не злая шутка озлобленного Бога, но тенденция, вырисовывающаяся из самой социальной сферы её внутренними процессами как ответ на вызовы, бросаемые внешним миром. Их появление отвечает стратегическим запросам исторической ситуации и обосновывается демографическим скачком в XVIII веке, с последовавшей отсюда необходимостью закрепления населения на местах ради равномерного распределения и предотвращения переизбытка на какой-либо одной территории; изменением численности групп, подвергаемых обработке, отразившееся в возросшем числе пациентов в больницах, численности армий, количеством обучающихся в школах; ростом производительного аппарата, который всё усложняется и дорожает, вызывая ко всему прочему проблему рентабельности. Спасение от того, что явилось средством спасения невозможно. Ради чего мы будем его осуществлять, на каком критерии основывать, чем объяснять, тогда, когда для «выхода» необходима трансгрессия на физиологическом, природном уровне, качественное изменение человеческих множеств. Иными словами, революция как прорыв в новое, а не как реактуализация старого, будет лишь пафосом утопий, и никогда реальной политической практикой. Утопические теории, сливаясь с конкретной государственной организации, и пытаясь перестроить наличную систему, воспроизведут лишь Великого Инквизитора. Процессы, протекающие в толще общественных формаций, обладают тайной фаталистической структурой и когерентны абстрактному магистральному потоку, непобедимому вследствие осуществлённого им захвата Естественного. Молекулярные очаги резонируют в молярном единстве, которое имманентно им и парадоксально оккупирует движения частиц, из их конверсии получая собственные воплощения. Г. Тард показал, что определить ситуацию получится лучше не в макроанализе коллективных представлений, но в микромасштабе действий, например, зная в каких районах юга Франции фермеры перестали приветствовать местного землевладельца. Впрочем, крестьяне и собственники уже захвачены проявлениями власти в мельчайших своих проявлениях. В этом и заключается специфика микрофизике, транслирующей конституирующую волю не вертикально, а трансверсально, на плоскости пересечения всех социальных линий и позиций. «Непреодолимое, незаменимое, властное величие разумного

порядка, то, из-за чего он не является фактическим порядком, объясняется тем, что против него нет иных средств, кроме него самого; против него можно протестовать лишь в его рамках» (*Деррида Ж., 2000, с. 45*).

Список литературы:

1. Делёз Ж. Фуко /Пер. с франц. Е.В. Семиной. Вступит. статья И.П. Ильина. — М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998 (Французская философия XX века).
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча Плато: Капитализм и шизофрения. Пер. с франц. и послесл. Я. И. Свирского; науч. Ред. В. Ю. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010
3. Деррида Ж. Письмо и различие. Пер. с франц. А. Гараджи, В. Лапицкого и С. Фокина. Сост. и общая ред. В. Лапицкого, 2000
4. Фуко М. Психиатрическая власть, Наука, 2007 г.
5. Фуко М., Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Перевод с французского Владимира Наумова под редакцией Ирины Борисовой. Ad Marginem, 1999
6. Works of Jeremy Bentham. Edinburg: William Tait, 1843. Vol. 4.